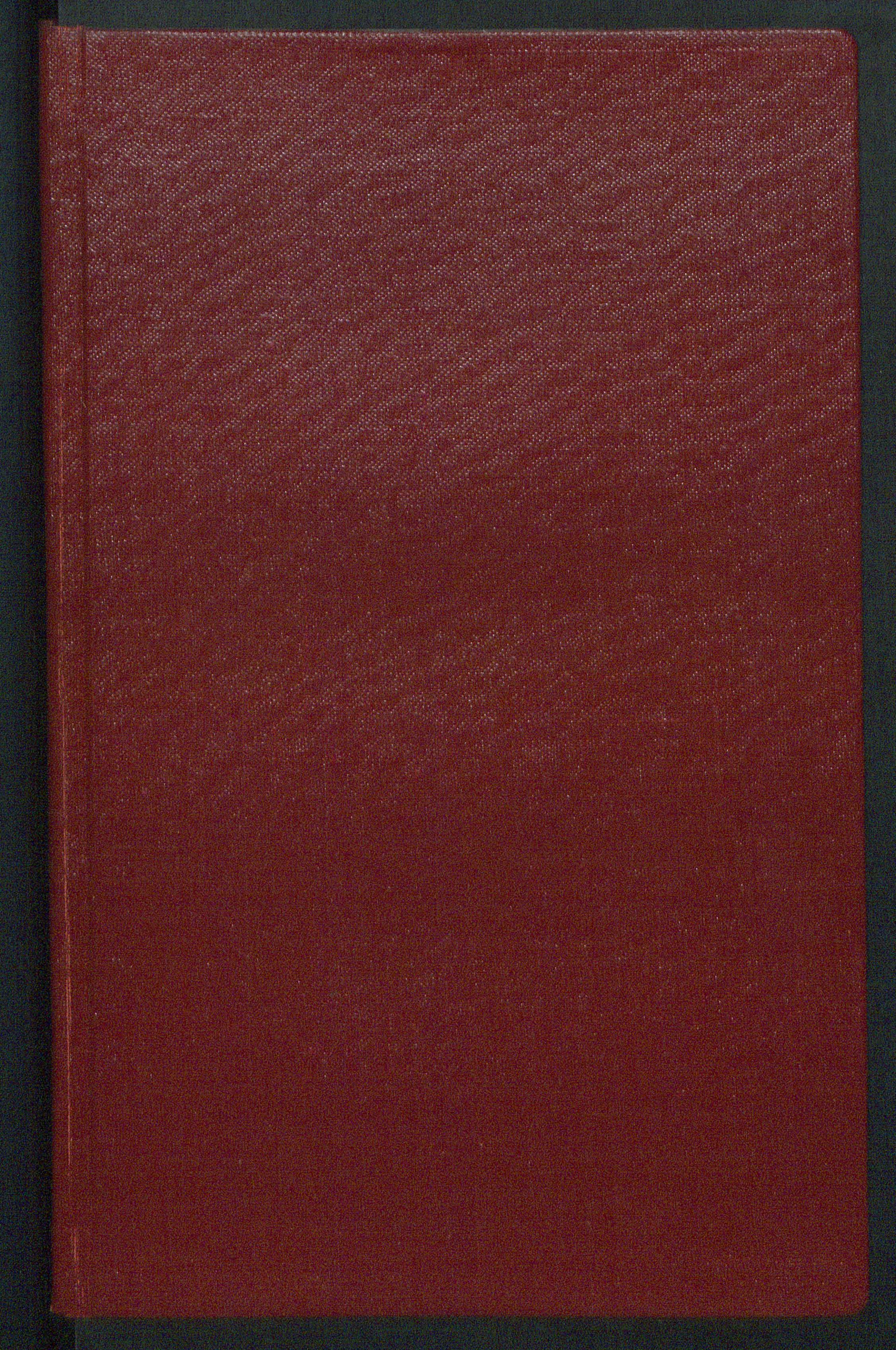
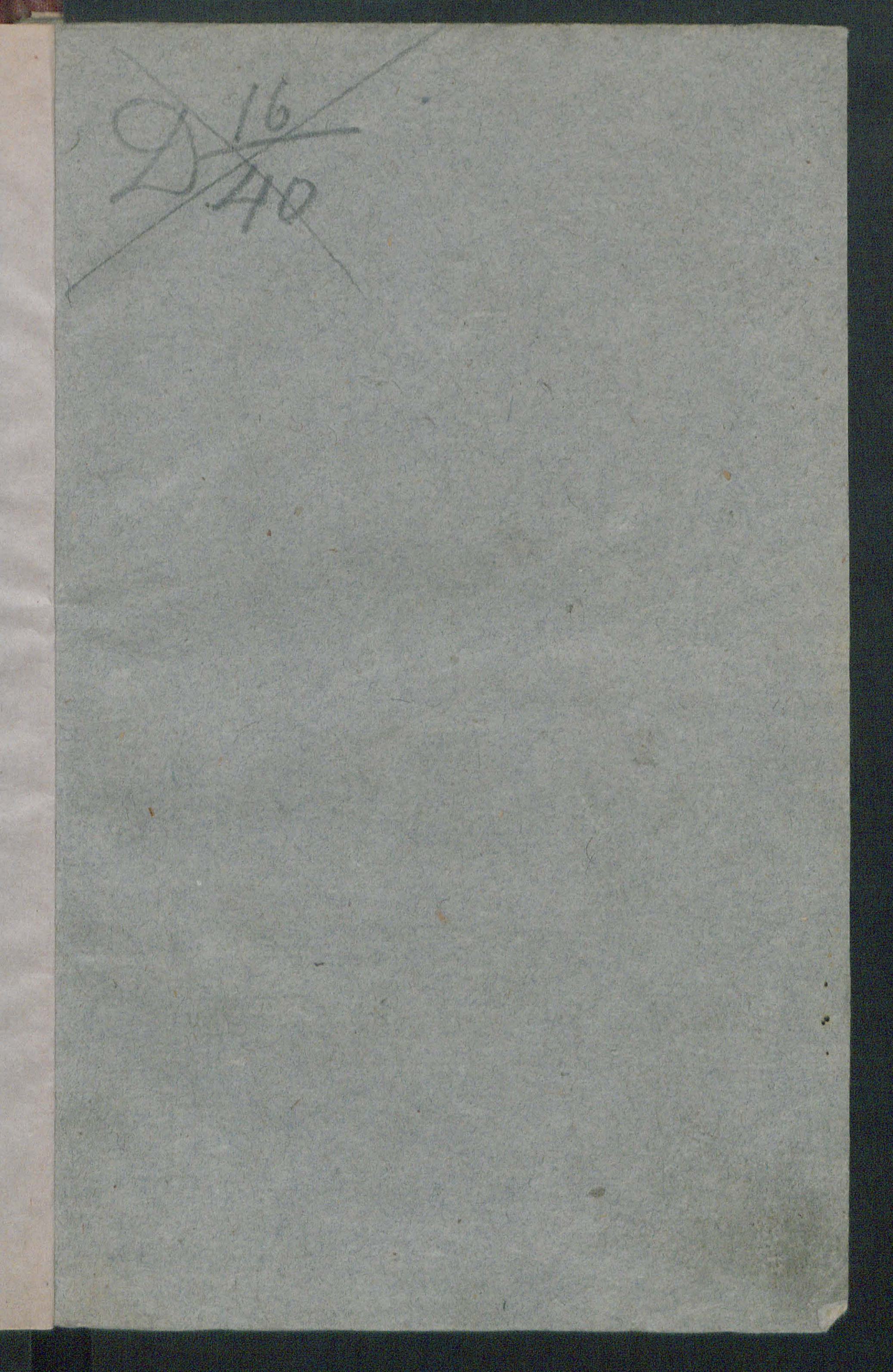
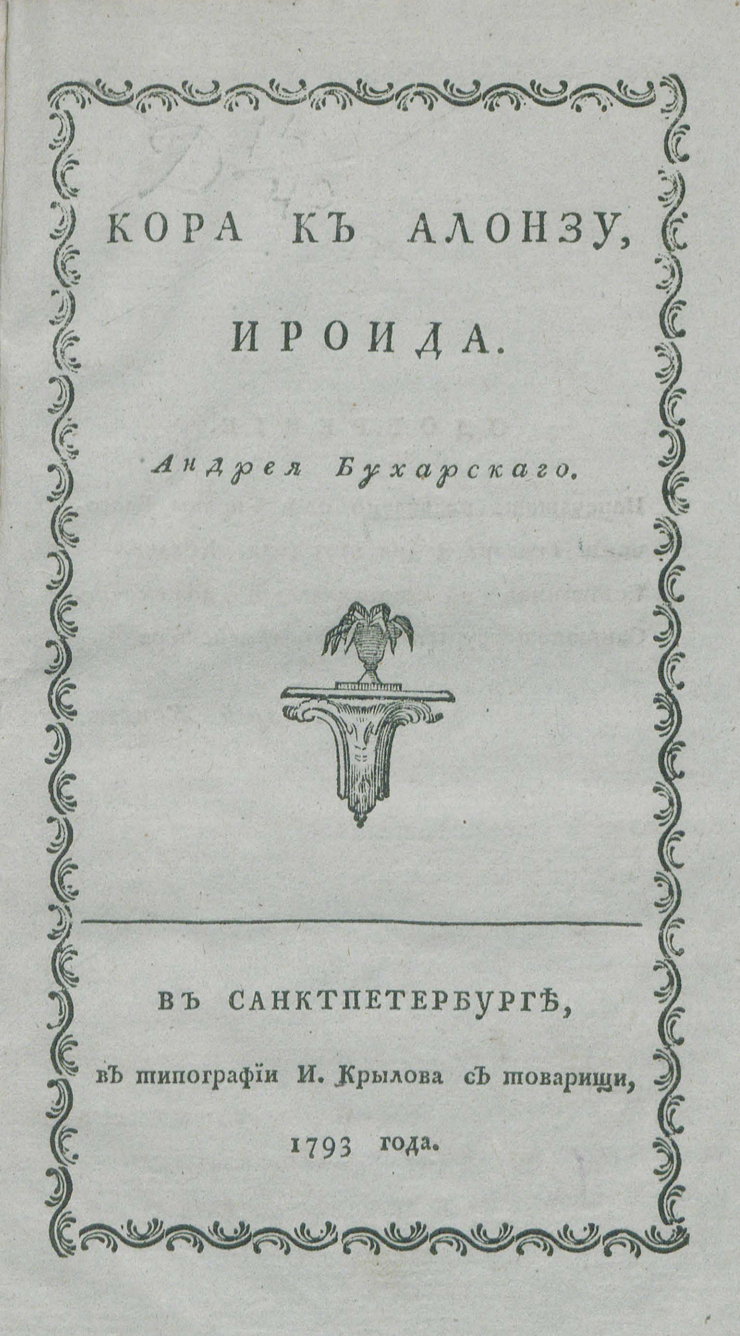

D 16/40

КОРА КЪ АЛОНЗУ,

ИРОИДА.

Андрея Бухарскаго.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ,

въ типографіи И. Крылова съ товарищи,

1793 года.

ОДОБРЕНІЕ.

Напечатать позволено отЪ Управы Благочинія Генваря 8 дня 1793 года. Коллежскій СовѣтникЪ и отправляющій должность Санктпетербургскаго Полицеймейстера

Андрей Жандръ.

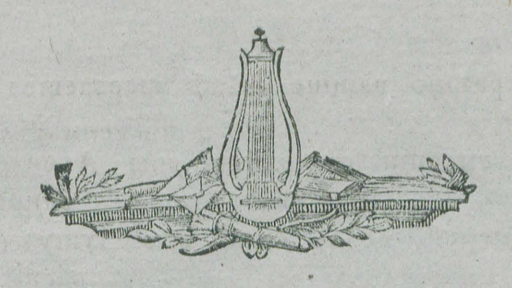
ПРЕДУВѢДОМЛЕНІЕ.

Епизода Коры и Алонза изъ Инки прекраснаго творенія Господина Мармонтеля естъ содержаніе сей Ироиды. Кора была одна изъ дѣвъ посвященныхъ Солнцу, которое было главнымъ предмѣтомъ богослуженія у Перуанцевъ. Дѣвы сіи назывались жрицами и невѣстами Солнцевыми, и клятвою обязаны были во всю жизнь свою хранитъ непорочностъ; еслижъ которая изъ нихъ клятву сію нарушитъ, то не только она, но и весъ родъ ея осуждаемъ былъ на сожженіе. Кора влюбилась въ Алонза, молодаго Гишпанца. Случившееся изверженіе огнедышущей горы находящейся подлѣ священнаго жилища Солнцевыхъ невѣстъ предало ее во властъ Алонзу,

который исторгъ ее изъ опасности, спасъ ея жизнь и употребилъ разстроенныя сіи минуты въ пользу своей страсти. Она вошла обратно въ свое жилище. Чрезъ нѣсколько времени знаки носимаго ею плода ихъ любви открыли сію тайну, и Кора со всѣми ея родственниками осуждена была на предписанную закономъ казнь. Здѣсь полагается что она пишетъ къ любезному ей виновнику ея смерти за нѣсколько дней до сей казни. Я не ввелъ той счастливой развязки которая сдѣлана Французскимъ Авторомъ; но жалостнаго конца требуетъ, какъ кажется, самый родъ сего сочиненія: впрочемъ всѣ черты взяты изъ Мармонтеля. Если читатель сіе замѣтитъ, то сочиненіе счастливо и сочинитель доволенъ.

КОРА КЪ АЛОНЗУ,

ИРОИДА.

Въ душѣ борьбой страстей противныхъ удрученна,
Разима совѣстью, стыдомъ отягощенна,
Къ кому пишу? . . . Къ тому кто золъ моихъ творецъ,
Къ иноплеменнику . . къ Алонзу наконецъ.
Исторгнувши изъ нѣдръ невинности священной,
Гдѣ было суждено мнѣ вѣчно быть блаженной,
Алонзо сей меня живую въ адъ пустилъ,
Алонзо сей злодѣй . . . Алонзо сей мнѣ милъ.
Я вижу смерть ко мнѣ простерла хладны руки,
И въ сердцѣ ужь ея всѣ чувствую я муки.

Стократно вящше тѣмъ терзается духъ мой,
Что смерти сей лишь ты Алонзо мнѣ виной.
Но смерть мояль одна всю душу раздираетъ?
Родитель, мать, со мной весь родъ нашъ погибаетъ.
Чтожъ основанїе напасти лютой сей?
Минута звѣрствъ твоихъ и слабости моей.

Не мни что для того сїе начертаваю,
Что поразить тебя упреками желаю:
По праву на сїе хотя могу дерзать;
Но льзяль тому кто намъ любезенъ упрекать?
Среди своей чреды смертельной и поносной;
Люблю тебя и огнь питаю вредоносной.
Въ минуты кои мнѣ осталося прожить
Позволь мнѣ чувствїя свои тебѣ открыть;
Вселенною ты будь, тебѣ я все признаю;
Тебя я обвиню . . тебя и оправдаю.

Ты знаешь узы тѣ въ которыхъ я была,
Что вѣрой сплетены виновники мнѣ зла;
Ты знаешь тотъ законъ и должность ону строгу,
Что вяжутъ чувства дѣвъ пожертвованныхъ Богу.

Священной ревностью въ душѣ воспламенясь,
И славы можетъ быть лучами ослѣпясь,
Родители мои тиранами мнѣ стали,
Невѣстой Солнцу быть мнѣ жребіемъ избрали.
Но то избравъ, увы! не вѣдали они,
Что вмѣсто счастья всѣхъ ждутъ пагубны насъ дни.
Ужь въ храмъ меня вели, о золъ воспоминанье!
То день отечеству былъ бѣдствій предвѣщанье.
Явясь на небѣ знакъ, предчувствовать далъ всѣмъ,
Что бы готовились къ несчастіямъ мы тѣмъ
Которыя сію часть свѣта отягчили,
Какъ Европейцы насъ пришедши оскорбили.
Не тщетно страхъ тогда всѣхъ насъ восколебалъ;
Несчастья тѣ мой духъ всѣхъ прежде испыталъ.
Средь ужасовъ такихъ, признаки видя мрачны,
Влекли меня сплетать со Солнцемъ узы брачны.
Влекли . . . и шла среди двухъ юныхъ я подругъ:

Всѣмъ тотъ же тремъ сужденъ мечтательный супругъ.
Ужь мы во внутренность святилища введенны:
Покровы, прелести чѣмъ наши облеченны,
Священной жрецъ рукой уже снимаетъ съ насъ;
Предъ Солнцевъ истуканъ повергли сь мы въ тотъ часъ.
Двѣ дѣвы къ равной что мнѣ части посвященны,
Въ спокойствіи своемъ лишь слабо возмущенны;
А я страдающа не зная отъ чего
Являла на лицѣ боль сердца своего,
Какъ будто нѣкто рвалъ мой духъ безчеловѣчно.
Стремясь къ обѣту кой дѣлилъ отъ смертныхъ вѣчно,
Стояща тутъ отца схватила руки я,
Со вздохами на нихъ изшла душа моя,
И томными потомъ окинувъ мать глазами,
Я пала къ ней на грудь, омывъ ее слезами:
Казалось надо мной тряслася неба твердь;
Я въ храмѣ зрѣла гробъ, въ обрядѣ зрѣла смерть.
Родители мои въ нѣжнѣйшей ихъ любови
Приписывали тѣ терзанья дѣйствамъ крови:
Сама я мнѣніемъ напраснымъ обольстясь,

Считала что объ нихъ лишь токмо я рвалась,
Разлуку съ ними я содрогшись вображала,
И трепету сему другихъ причинъ не знала;
Не могъ проникнуть самъ моихъ предчувствій жрецъ,
И мной пожертвовалъ онъ дерзко наконецъ.

Уже провозглашалъ онъ лютыя мученья,
Что казнью должною суть клятвы нарушенья.
Къ ужаснымъ симъ словамъ чета моихъ подругъ
Безъ робости почти свой преклоняла слухъ:
Лишь я единая сердечныхъ скорбей жертва,
Блѣднѣя вняла ихъ, трепещуща, полмертва;
Мечталось мнѣ не жрецъ слова тѣ говорилъ,
Самъ чтимый въ храмѣ Богъ со громомъ мнѣ грозилъ.
Ты будешь, онъ вѣщалъ душѣ моей смущенной,
Пожранна нарушивъ обѣтъ произнесенной;
Измѣнницею злой явишь ты мнѣ себя:
Я небо, землю, адъ воздвигну на тебя.
Вмѣщающи грозу громовые тѣ ревы
Моглили не пронзить слабѣйшей чувства дѣвы?

Лишились всѣхъ живыхъ цвѣтовъ мои
черты.
Съ біеніемъ въ груди, съ дрожащими усты,
Съ глазами отъ огня отчаянья сухими
Связалась клятвами священными излыми;
Содѣлала обѣтъ въ тѣ сѣти не впадать,
Которыхъ не могла тогда еще понять,
И послѣ не могла которыхъ я избѣгнуть.
Ахъ! сердце дѣло устъ старалось опро-
вергнуть.
Сей необманчивый предвѣстникъ нашихъ
золъ
Удерживалъ мое стремленье въ мрачный
долъ;
Но предразсудковъ гдѣ владычествуетъ
дѣйство,
Тутъ сердца слушаться считаютъ за зло-
дѣйство.
Родители и жрецъ зря слабости мои
Потщились на меня излить утѣхъ струи,
Явили Бога мнѣ блистающаго славой
И честь быть подъ его особенно дер-
жавой.
Необходимости сильнѣйшій всѣхъ совѣтъ
Велѣлъ мнѣ пренебречь предчувство лю-
тыхъ бѣдъ.
Я Солнцевыхъ невѣстъ въ жилище непри-
ступно
Вступила . . . и внесла свой ядъ съ собою
купно.

Уже часы и дни уныло я влекла;
Привычка власть свою во мнѣ произвела;
Безъ грусти все на тожъ бросала я зѣницы;
Въ храмъ стали тишины превращены темницы,
Въ нихъ равнодушія дулъ въ сердце мнѣ Зефиръ:
При звукахъ Солнцу въ честь звѣнящихъ сладко лиръ
Бѣжала отъ меня мысль мѣстъ тѣхъ недостойна:
Довольна иногда, всегда была спокойна,
И въ сердцѣ пустоты не чувствовала я,
Не понимая чѣмъ наполнити ея.
Коликобъ, ахъ! была и нынѣ я блаженна,
Коль тишинабъ сія могла быть продолженна!
Еще бы сладостный вкушала я покой;
Предчувствія мои всѣ былибъ суетой.
Но можноль смертнымъ намъ боротися съ судьбою?
О день! день пагубный! ты бѣдъ мнѣ былъ виною.
Воспомни оное, Алонзо, торжество
Въ которо жертвами мы чтили Божество
И коего ты былъ свидѣтель совершенья.
Назначилъ рокъ меня для онаго служенья;
Мой долгъ былъ Инкамъ хлѣбъ священный подносить . . .

Могули, вспомнивъ то я тока слезъ не лить?
Съ открытымъ я челомъ увѣнчаннымъ цвѣтами,
Потупивши глаза, съ дрожащими руками
Свершала столько сей мнѣ бѣдственный обрядъ.
Почто я на того тогда метнула взглядъ,
Кто послѣ приключилъ страданья мнѣ толики!
Алонзо предстоялъ близъ нашего владыки.
Взглянувъ не смертнаго казалось зрѣла въ немъ,
И врѣзался его во сердцѣ зракъ моемъ.
Прїятныя красы со мужествомъ смѣшенны,
Чѣмъ сталибы толпы женъ дикихъ умягченны,
Моглиль въ моей душѣ иное произвесть,
Какъ то чтобъ прелестей Царемъ его почесть?
Вдругъ трепетъ я въ себѣ со хладомъ ощутила,
И съ жертвой златъ сосудъ едва не уронила.
Алонзо! ты во мнѣ родитель страсти былъ,
И внутренность мою на внѣшность воружилъ:
Божественный твой взоръ былъ лютымъ Корѣ ядомъ.

За трепетомъ во мнѣ, за симъ минутнымъ хладомъ
Котораго прошелъ стремительно ударъ,
По жиламъ всѣмъ моимъ разлился нѣкїй жаръ.
Слабѣюща вся ставъ едва я тутъ не пала
И взоровъ на тебя взвесть болѣ не дерзала.
Ихъ многоль надобно влюбиться чтобъ въ кого?
Для нѣжныя души довольно одного.
Свершивъ все къ олтарю опять я приближаюсь,
Но въ мысляхъ лишь однимъ Алонзомъ поражаюсь;
Одинъ онъ предомной казалось предстоитъ.
Дивящася сему и чувствующа стыдъ
На Солнцевъ истуканъ взглядъ робкїй обращаю,
И въ Богѣ одного Алонза примѣчаю.
Не знала чѣмъ мятусь всю твердость погубя,
И помня кто мнѣ милъ не помнила себя.

Сей самый день моихъ былъ горестей начало:
Съ минутъ сихъ отъ меня спокойство убѣжало:
Преобратила въ адъ жилище я свое,

Въ отчаянье души унынїе мое;
Всю тяжесть я своей почувствовала цепи;
Желала только лишь я вольности и степи
Въ которой бы могла съ Алонзомъ быть
одна.
Тогда лишь стала мнѣ моя напасть явна.
Тогда узрѣла я предчувство оправданно,
Терзало что меня при клятвахъ несказанно.
Обремененна сномъ иль бодрствовала я,
Всечасно видѣла Алонза мысль моя;
Всечасно будто съ нимъ самимъ я говорила,
И жалобы ему на жребїй приносила.
Надъ чувствами во мнѣ власть взяло естество:
Роптала я на то ревниво Божество,
Которо юными владѣя красотами,
Томило только насъ не пользуяся нами.
Понять того своимъ умомъ я не могла,
Какъ тотъ, которымъ вся природа процвѣла,
Возмогъ намъ предписать законы толь жестоки,
Врожденны чувствїя чтобъ ставить за пороки.
О Солнце! зришь во мнѣ, гласила я къ нему,
Измѣнницу тебѣ, обѣту своему.
Но ахъ! когда я сей обѣтъ произрекала,
Душа моя себя на то не соглашала;

Нѣтъ, не дала она въ томъ клятвы никакой.
О Боже! возврати ты власть мнѣ надъ собой.
Мгновенїемъ однимъ, лишь взоромъ возмущенна,
Достойналь быть въ число я дѣвъ твоихъ вмѣщенна?
А вы! несчастную что въ свѣтъ произвели,
Почто вы здѣсь меня живую погребли,
Безъ пользы всѣмъ моя чтобъ вянула здѣсь младость?
Вы въ старости своей во мнѣ вкушалибъ радость;
Участника судебъ доставя мнѣ моихъ,
Старающихся бы вы зрѣли обоихъ
Что бы чрезъ насъ текли всѣ ваши дни въ отрадахъ:
Нѣжнѣйше о своихъ пеклася бы я чадахъ;
О чадахъ! нѣтъ уже я въ вѣкъ не буду мать,
Отъ имени сего не стану трепетать,
И въ милыхъ существахъ не буду возрождаться:
Природы чувства всѣ мнѣ чужды становятся;
Отъ чистыхъ оныя удалена забавъ.
Не смѣя видѣть свѣтъ, на землю ницъ упавъ,

По сихъ словахъ лице покровомъ облекала,
Который теплыхъ слезъ струями орошала.
Но вдругъ драгой и мысль что зрѣть его не льзя
Удвоили мой жаръ сильняй мой духъ разя.
Тогда сама въ себѣ преступницу признала;
Признавалась что за тѣмъ на Солнце я роптала,
Съ Алонзомъ чрезъ него что я разлучена;
О сладости тѣхъ узъ которыхъ лишена,
Лишь только для того была я сокрушенна,
Не буду ими что съ Алонзомъ сопряженна:
Природы каждый долгъ пріятенъ бы мнѣ былъ,
Когдабъ его со мной Алонзо лишь дѣлилъ.
Такъ мучилася я, не смѣючи ласкаться
Чтобъ Корою ты сталъ минуту заниматься?
Не должноль было мнѣ терзаться мыслью той,
Что грудь мою пронзивъ ты пламенной стрѣлой,
Самъ взоромъ можетъ быть меня не удостоилъ?
А ежели мой взглядъ твой духъ тогда разстроилъ,
То можноли того мнѣ было уповать,

Что память обо мнѣ ты станешь сохранять?
Что свѣтскихъ окруженъ красотъ собором будешь,
Но слабыхъ прелестей моихъ не позабудешь?
Какъ Фурїя рвала мысль душу та мою.
Мечтала я всегда соперницу свою;
Воображенїе на муку нестерпиму
Казало мнѣ ее прекрасну и любиму.
Тогда погружена въ своемъ глубоко злѣ,
Просила у Небесъ стремительны крылѣ,
Чтобъ стѣнъ преобороть святилищныхъ ограду,
И болѣе изъ глазъ твоихъ напиться яду.

Такъ въ горести своей я всѣ считала дни;
Но къ мукамъ вѣчными казалися они.
Тиранами мои всѣ были мнѣ движеньи.
Въ такомъ засталъ мою ты душу положеньи,
Когда отъ слабости ея все получилъ.
Противиться тебѣ гдѣ было взять мнѣ силъ?
Все, случай, мѣсто, часъ . . . . меня все поражаетъ;
Но все притомъ мое паденье оправдаетъ.
Еще, я мню, въ твоемъ умѣ день оный живъ . . .

Но нѣтъ . . . взаимныя тѣ сладости за-
бывъ,
Которыхъ упоясь, ихъ болѣ не вкушаешь,
Важнѣйшимъ мысль свою предмѣтомъ за-
нимаешь.
Чтобъ въ вѣкъ любовь питать, въ вѣкъ
строить ей престолъ,
Лишь можетъ пламенный и немощный
нашъ полъ.
Такъ я одна днесь долгъ и свой и твой
исполню:
Коль нѣчто ты забылъ, я все тебѣ на-
помню.

Природы царствами владѣла тишина:
Предшественницей бурь могла ли быть
она?
Всѣ дщери Солнцевы въ чертогахъ заклю-
ченны,
Обычными для нихъ трудами упражненны.
Но въ чревѣ вдругъ огнемъ рыгающей
горы
Подьялся шумъ глухой. Какъ влажные
бугры
Ярятся на моряхъ, коль вѣтръ ихъ возду-
ваетъ,
Такъ часъ отъ часу шумъ сей страшно
возрастаетъ;
Трепещетъ вдругъ земля, сводъ неба по-
чернѣлъ,

Громами Иллапа (а) изъ облакъ заревѣлъ:
Чертогъ и храмъ грозятъ колебляся упадомъ:
Гора сама дрожитъ, съ вершины дышетъ адомъ;
Отъ сѣрныя рѣки растаялъ ледъ на ней,
И съ дымомъ въ верхъ летитъ смѣсь камней и огней.
Повсюду пагубы однѣ разпространились,
И трепетъ съ ужасомъ во всѣ сердца вселились.
Бояся чтобъ на насъ чертожный кровъ не палъ,
Весь слабый нашъ ликъ дѣвъ изъ храминъ избѣжалъ;
Въ нестройствѣ каждая бѣжитъ, кричитъ, блѣднѣетъ:
Но жалость къ намъ сама приближиться не смѣетъ
Ужь нощи уступилъ столь страшный мѣсто день;
Но огнь изъ нѣдръ горы стремяся гонитъ тѣнь,
И пламенны валы со тучами смѣшенны
Творятъ ужасный свѣтъ въ подобіе геенны.

(а) Подъ именемъ симъ Перуанцы почитали Бога громовъ.

Скитаясь съ прочими я вдругъ внимаю гласъ
Кой чувства всѣ мои съ пріятностью потрясъ.
Сей гласъ мнѣ рекъ: *престань о Кора ты страшиться;*
Днесь нѣкимъ Божествомъ жизнь Коры сохранится.
Не знаю страхъ тогда, иль самая любовь
Коснувшись жилъ моихъ восколебала кровь.
Остановившись я слова пріятны внемлю.
Въ тожь время чувствую подвигшуюся землю.
Гора произведя ужасный слуху трескъ,
Извергла огненъ столпъ, котораго мнѣ блескъ
Представилъ вдругъ того ко мнѣ простерша руки,
Кто былъ виновникомъ моей сердечной муки.

Не помню пала какъ я чувства погубя,
Лишь помню что была въ обьятьяхъ у тебя,
И слышала твое я лестное реченье,
Въ которомъ на себя ты бралъ мое спасенье.
Ты велъ меня, а я все въ свѣтѣ позабывъ,
Считала что мой рокъ средь гибели счастливъ.

Но изъ опасности тобою извлеченна,
Внезапно стала я душею возмущенна.
Стремительны во мнѣ движенія прошли.
Не знавъ куда мои стопы меня несли,
Не знавъ во слѣдъ кому сама ихъ направляла,
Воспомни что тогда я въ ужасѣ вѣщала.
Раскаянье тогда мной сильно овладѣвъ,
Представило законъ преданныхъ Солнцу дѣвъ,
Который въ тѣ часы я страшно преступила.
Воспомни Кора какъ тогда тебя просила,
Чтобъ бросивъ ты ее оставилъ умереть.
Мой тщася страхъ разгнать и слезы отереть,
Спасенія цѣной опасность ты измѣрилъ,
Что я хранима тѣмъ, любима кѣмъ, увѣрилъ;
Что я опять туда войду, отколь изшла,
Какъ знаки всѣ пройдутъ погибельнаго зла;
Что бѣгство наконецъ всѣмъ будетъ неизвѣстно.
Имѣвши смерть въ глазахъ, спасенье слышать лестно.
Какъ было мнѣ тогда себя предостеречь,
Когда изъ устъ того сію внимала рѣчь,
Къ кому моя душа давно уже пылала?

Какъ отъ того бѣжать, съ кѣмъ быть
всегда желала?
Бояться было льзяль присутства мнѣ его,
Когда невинна бывъ, не знала ничего?

Но пагуба прошла, земля дрожать пре-
стала,
Столпъ огненный изчезъ, гора спокойна
стала,
И дымъ и облака разсѣялися врозь,
Въ чистѣйшую лазурь все небо облеклось.
Въ то время мы съ тобой луга тѣ пре-
хождали,
Гдѣ древеса плодомъ богатыя стояли.
Природы зрѣли мы величество въ ночи.
Луны, сквозь листвїе проникшїе, лучи
Блистая бѣлизной унылою плѣняли,
Играли на цвѣтахъ и зелень оттѣняли.
Тутъ мнѣ ты предложилъ по шествїи
покой.
Я сѣла на траву. Первѣйшїй трудъ былъ
твой
Нарвать плоды, моя чтобъ укрѣпилась
сила.
Нарвавъ ихъ мнѣ поднесъ; я ихъ прїявъ
вкусила.

Се къ описанью тѣхъ минутъ я при-
ступлю,
Которы страшны мнѣ, чрезъ кои я терплю;

Чрезъ нихъ утрачу жизнь, проливъ потоки слезны:
При всемъ томъ памяти моей онѣ любезны.
Ты подлѣ сѣвъ меня, тогда едва дышалъ,
Хотѣлъ вѣщать, нѣмѣлъ и руки мнѣ сжималъ;
Душа твоя на нихъ изшла нетерпѣлива.
Ты началъ говорить . . . . сколь страсть краснорѣчива!
Какїе ты пути ко сердцу пролагалъ!
Какїя имена тогда ты мнѣ давалъ!
То чудо естество потрясшее собою
Невидимой, вѣщалъ, устроено рукою
На то чтобъ отъ стражей моихъ меня укрыть,
Для счастья насъ двоихъ съ тобой соединить.
Тогда ты заклиналъ глаголомъ мнѣ любезнымъ,
Сей трудъ самихъ Небесъ не сдѣлать безполезнымъ.
Ты только въ томъ меня старался умолить,
Чтобъ счастливымъ тебѣ позволила я быть.
Природы бывъ я дочь, проста и нековарна,
Моглали запретить, не бывъ неблагодарна,
Спасителя чтобъ часть блаженна мной была?

Ты милъ былъ . . . ты любилъ . . . *будь счастливъ*, я рекла.

О лестные часы! о райскїя утѣхи!
Когда я предалась восторгамъ безъ помѣхи;
Когда моя душа съ Алонзовой слилась,
Сладчайшую сплела, божественную связь;
Когда я своего драгова восхищала,
И въ тотъ же мигъ все съ нимъ равно ему вкушала;
Моглаль, увы! моглаль предчувствовать тогда,
Что ждетъ меня за то позорная чреда?
Нѣтъ; Небо знаетъ то мои сколь чувства святы.
Намѣренье, обманъ въ порокахъ виноваты.
Ты зналъ, злодѣй! ты зналъ восторговъ слѣдство сихъ,
Ты зналъ погибель всю . . . и скрылъ отъ глазъ моихъ.
Единымъ въ слѣдъ стремясь желанїямъ горящимъ,
Содѣлался ты слѣпъ къ опасностямъ грозящимъ,
И сладости пїя, со всемъ то забывалъ
Что нѣжности цѣной мнѣ смерть ты основалъ?
Но ахъ! кого виню? . . . Злодѣемъ называю? . . .

Прости . . . . не вѣрь что я сама сїе вѣщаю;
Но вопїетъ во мнѣ отчаянье одно . . .
Невинна я . . . и ты невиненъ мнѣ равно.

Восторги въ насъ прошли: настало то спокойство,
Что замѣняетъ чувствъ прїятно неустройство;
Забавы властвуя и мыслью и душей,
Въ насъ дѣйствуютъ еще, хоть тише, но сильнѣй.
Тогда ты красоту мнѣ оныхъ мѣстъ представилъ,
Покорствовать тебѣ, остаться въ нихъ заставилъ.
Бесѣдовали мы, вѣщала въ насъ любовь:
То помнили себя, то забывались вновь.
О имени твоемъ тогда лишь я узнала;
Узнавъ стократно я Алонзо восклицала,
И преставала лишь тогда сїе твердить,
Какъ силу отъималъ восторгъ мой говорить.
Ты преклонялъ меня оставивши святыню,
Жилища моего, итти съ тобой въ пустыню.
Просила я тебя всѣ рѣчи тѣ прервать,
Чтобъ все забывъ, въ одной любови утопать.

Слетѣлъ впослѣдокъ сонъ межъ чувствъ
къ намъ возмущенныхъ,
И узами сковалъ другъ къ другу прилѣ-
пленныхъ.

Отверзла лишь на свѣтъ зѣницу я свою;
Встрѣчаетъ на устахъ душа твоя мою;
Отъ сладостнаго столь и быстраго дви-
женья
Рождаются во мнѣ со трепетомъ волненья:
Не зная какъ ихъ скрыть и нужды въ томъ
не зря,
Бросаюсь я на грудь души своей Царя;
Восторгами въ себѣ твои восторги мѣрю,
Что ты опять со мной сама почти не
вѣрю.
Своими прозьбами мнѣ вновь ты настоялъ.
Утихшу жару, умъ мой власть свою
прїялъ.
Представилъ онъ тогда колико мнѣ опасно
Внимать то что въ тебя движенье сѣетъ
страстно.
Въ обьятїяхъ тебя сжимая трепещу,
Слезя тебя сразить неволею хощу.
Тогда я знать дала всю ждущую насъ
муку;
Рекла что предписалъ намъ лютый долгъ
разлуку;
Что я должна итти въ жилище чистыхъ
дѣвъ,

Что бы не воружить законный Неба гнѣвъ:
Что жизнь родителей привлекшихъ къ тѣмъ обѣтамъ,
Есть Солнцу за меня въ ихъ вѣрности отвѣтомъ;
Что преступленія на нихъ мои падутъ . . .
Но что описывать мнѣ ужасъ тѣхъ минутъ?
Довольно безъ того я сердца твердость рушу.
Какуюбъ ни имѣлъ чудовищну ты душу,
Не можешь изъ нее совсѣмъ того изгнать,
Какъ стала я съ тобой прощаяся рыдать;
Какъ падала безъ чувствъ, какъ духъ мой занимался,
Какъ ты къ жилищу дѣвъ приведъ меня терзался.

Оставшися въ мѣстахъ связующихъ меня.
Смятенья разныя возчувствовала я.
Изчезнули во мнѣ всѣ страхи о напасти,
Но мѣсто заняли во сердце новы страсти.
Пока не вѣдала я счастья чрезъ тебя,
Терзалась чувствіемъ безвѣстнымъ для себя:
Тогда вкусивъ уже тобою сладость милу,
Я въ полнѣ чувствія сего познала силу.
О тѣхъ минутахъ я старалась вспоминать,
И ихъ лишась на вѣкъ могла ли не страдать?

Желала я всегда имѣть съ тобой свиданье.
Ахъ! казнью было мнѣ безплодное желанье.
Но признаюсь что сколь ни скорбны были дни,
Но муки не со всемъ ко мнѣ влекли они.
Не знала пропасти въ котору погрузилась,
Какъ страхомъ, пагубой, любовїю сразилась;
Что сдѣлала того не ставила грѣхомъ,
И не рвалась отнюдь раскаяньемъ, стыдомъ:
Лишь тѣмъ единымъ я считала рокъ свой слезенъ,
Что въ вѣкъ неугасимъ, въ вѣкъ жаръ мой безполезенъ.

Не долго я, увы! въ уныньи семъ была,
И вскорѣ грусть моя въ отчаянье пришла.
Движенїй страшныхъ всѣхъ воздѣйствовала сила,
Какъ нѣчто новое я въ нѣдрахъ ощутила.
Плодъ слабости своей тогда познала я.
Въ утробѣ собственной сама свой стыдъ тая,
Въ воображеньи томъ терзалася жестокомъ,
Что свѣту обнажусь покрытая порокомъ.
Невинно существо вмѣщенное во мнѣ
Твердило каждый разъ о пагубномъ огнѣ,

Во внутреннихъ моихъ какъ трогалось
хоть мало,
И не родясь еще такъ матерь убивало.

Предвѣстникъ смерти мнѣ уже пронесся
слухъ
Язвящій честь мою, терзающій мой духъ:
Уже молвой вездѣ то бѣдство возвѣщенно,
Что Солнцевыхъ невѣстъ жилище оскверненно;
Что стыдъ изъ нихъ одна на свой навергнувъ родъ,
Во внутреннихъ своихъ преступковъ носитъ плодъ:
Ужь суевѣріе, чудовище ужасно,
Отечеству бѣды пророчитъ громогласно;
Уже несчастія скопившися давно
Всѣ гнѣву Солнцеву причислило оно;
Народъ волнуется ревнуя къ Божьей чести,
И души кроткія всѣ жаждутъ лютой мести:
Ужь смерти перстъ свой мракъ надъ Корою простеръ,
Готовъ меня пожрать пылающій костеръ;
Всѣ ближнія мои лїютъ кровавы слезы,
Ихъ стыдъ мой тяготитъ, звучатъ на
нихъ желѣзы.
О воображеніе! ты пишешь предо мной
Ужасной кистїю моей день казни злой.
Смущаемый Монархъ на тронѣ возсѣдаетъ,

Трепещущїй народъ престолъ сей окружаетъ,
И сквозь его толпы священниковъ соборъ
На страшный сей ведетъ преступницу позоръ;
Согбенный старостью родитель мой злосчастный,
Отчаянная мать, сестры мои прекрасны,
Три брата нашему что роду были щитъ,
Которыхъ всѣхъ законъ свирѣпствуя разитъ,
За грѣхъ мой казнь себѣ прїяти всѣ приходятъ
О сколько мукъ сїи предчувства производятъ!
А ты любезное, невинно бытїе!
Ахъ! смерть предупредитъ рожденїе твое.
Любовью нѣжною во мнѣ твой духъ основанъ,
А преступленїемъ твой гробъ тамъ уготованъ;
За то я и умру, что жизнь тебѣ даю.
Алонзо! кой во власть всю душу взялъ мою,
Невиннаго сего родитель и убїйца,
Какъ можетъ тотъ позоръ снести твоя зѣница?
Я знаю всю души чувствительность твоей:

Ты былъ противъ меня неволею злодѣй;
Ты лучше бы хотѣлъ терпѣть смерть
люту вѣчно,
Чѣмъ видѣти мое страданье скоротечно.
Мечтаю я тебя . . . о страшная мечта! . . .
Отчаяньемъ твоя затмѣнна красота;
Не нѣжности огонь въ глазахъ твоихъ
блистаетъ,
Но въ искрахъ ужасъ твой изъ оныхъ
излетаетъ:
Бѣжишь ты сквозь народъ, ты хочешь
насъ узрѣть,
Спасти отъ смерти всѣхъ, иль съ нами
умереть;
Любовію влекомъ прибѣгъ . . . увидѣлъ
жертвы . . .
Трепещешь, вопіешь и падаешь полмерт-
вый . . . .

О казни часъ моей! скоряе ты настань;
Клубами взвейся огнь и громъ небесный
грянь;
Разверзни челюсти геенна подо мною;
Пожри меня земля, когда того я стою . . .
Но стоюль подлинно я казни таковой?
Быть можетъ нечестивъ и дерзокъ ропотъ
мой;
Но человѣку льзяль пребыть тогда без-
словнымъ,
Когда его хотятъ содѣлати виновнымъ,

Хотя самъ чувствуетъ свою невинность онъ? . . .
За что ты осудилъ на смерть меня законъ?
Ты должности намъ давъ и всю сковавъ свободу,
Силъ не далъ побѣждать и чувства и природу.
Какъ можетъ молодость вся пламенемъ горя,
Быть мертвой для страстей, кровь въ холодъ претворя?
Какъ можно, слабость тутъ чтобы торжествовала,
Твердѣйшая гдѣ мощь едвалибъ устояла?
Нѣтъ; суевѣрїе взявъ правды вышней видъ,
Народу нашему жестокимъ быть велитъ.
И нашъ народъ сему чудовищу послушенъ!
Ахъ! чѣмъ тутъ праведныхъ Небесъ уставъ нарушенъ,
Что дѣва слабая, чувствительна, нѣжна,
Природѣ на одну минуту предана,
Послушалась души прїятнаго движенья,
Забывъ на свѣтѣ все кромѣ ея велѣнья,
Робѣя и сама что дѣлаетъ не знавъ,
И силу чувствуя своихъ на счастье правъ,
Всѣ восхищенья тѣ и сладости вкусила,
Чѣмъ насъ блаженными природа сотворила?

За мнимый оный грѣхъ отецъ ея и мать
И братья и сестры всѣ съ ней должны
страдать.
Не можетъ Богу быть такой законъ угоденъ;
Онъ человѣческой лишь только злобѣ сроденъ:
Какой ни есть тиранъ его изобрѣталъ,
Кой Бога такъ же злымъ, какъ самъ онъ,
полагалъ.
Откройтеся глаза затмѣннаго народа.
Познайте какъ своимъ путемъ идетъ
природа.
Богъ сильнымъ подкрѣпилъ закономъ оный
путь.
И Бога вѣчнаго то можетъ ли тронуть,
Что дѣва изрекла обѣтъ неосторожно
Быть въ состояньи томъ, въ которомъ
быть не должно?
Природы гласъ ей толь жизнь давши предписалъ,
Чтобъ вѣкъ ея какъ цвѣтъ безплодный
изсыхалъ?
Воззрите вы на грудь чѣмъ дѣва отличенна,
Вотъ знакъ того, за чѣмъ она произведенна;
Два жизни оныя источника у ней
Быть матерью даютъ священно право ей.

Се тако Богъ свою вамъ волю возвѣщаетъ,
Который ничего вотще не созидаетъ.

О если произнесть моглабъ сїю я рѣчь,
То жалость можетъ быть умѣла бы привлечь.
Приди, дражайшїй мой! въ ужасну ту минуту.
Приди... увы! мою увидѣть муку люту.
Явись народу ты отчаяся, стеня;
Вѣщай ему, вѣщай въ то время за меня:
Скажи что ты сего участникъ преступленья;
Открой ему свои душевныя движенья;
Пусти потоки слезъ; дай сердцу говорить;
Ахъ! чью жестокость ты не можешь умягчить?...
Но что въ отчаяньи, что я повелѣваю?..
На что тебѣ страдать?... Довольно я страдаю.
Бѣги ужаснаго позора ты сего;
Онъ будетъ казнїю для сердца твоего:
Неистовства собой въ народѣ ты прибавишь;
Самъ въ бездну ниспадешь, меня тѣмъ не избавишь.
Полезна жизнь твоя; Алонзо ты живи:
Лишь помни что твоей я жертва есмь любви.

Создай мнѣ памятникъ во храмѣ ты душевномъ;
Воспоминай о мнѣ, о семъ концѣ плачевномъ;
Въ даръ слезы мнѣ твои да каплютъ иногда!
Яжь отъ безбожнаго сражаема суда,
Въ срединѣ пламени, обьята коимъ буду,
Лютѣйшу боль свою, сама себя забуду.
Послѣдня мысль — любовь что зрѣла я къ себѣ;
Послѣднiй будетъ вздохъ мой только о тебѣ.

Конецъ.

